УДК 30 + 37.011 + 304.2

В. Е. Кемеров

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ: ТУННЕЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ

В статье рассматривается парадоксальная ситуация в разделении социально-гуманитарных наук и их интеграции. Они взаимодополняют друг друга таким образом, что исключают влияние сопредельных предметов и методов на свое функционирование. Это затрудняет системное отображение общественного процесса и понимание перспектив самого обществознания. Выход из этой ситуации обнаруживается в характеристике историчности разделения труда в обществознании, в эволюции его парадигм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: туннельное видение, предметно-методологические оппозиции дисциплин, динамика обществознания, проблема парадигмы современного обществознания, разделение социально-гуманитарных наук и перспективы системной интеграции обществознания.

Туннельное видение — состояние зрения, при котором человек теряет способность к периферическому обзору. Он воспринимает лишь изображение, попадающее на центральную область сетчатки; возникают трудности с объемным отображением объекта, с удержанием в поле зрения нескольких объектов. В результате становится проблемой ориентация в пространстве. Излечению от этого недуга препятствует отсутствие явных анатомо-физиологических отклонений.

Этот диагноз распространяется и на многие области общественной жизни, на разные сферы профессиональной деятельности, в том числе и на сферу научную [6]. В этой статье мы рассмотрим туннельное видение как характерную черту современного обществознания, объединяющего разные дисциплины, по сути разобщенные и часто просто не замечающие друг друга.

Методологический парадокс заключается в том, что обществознание, декларирующее интеграцию социально-гуманитарных наук, не может пока обеспечить системный взгляд на общество, на историю, на совместную и индивидуальную жизнь людей. Корни этой ситуации надо искать в «родовой травме» научного обществознания, т. е. в процессе его становления [3]. Но пока обратимся к некоторым аспектам данной ситуации, характерным для настоящего времени.

Философия и социология

В нашей литературе часто обсуждается вопрос о соотношении философии, в частности социальной философии, и социологии. Причем это соотношение трактуется как разделение: философия занимается своим делом, социология — своим. На практике так и происходит. Но в теоретико-методологической дискуссии всплывает трудная проблема: и социальная философия, и социология занимаются обществом, но они должны как-то разделить свои действия [5]. Иначе говоря, объект один и тот же, а методологические установки различные, стало быть, и предметы исследования разные.

Трудности отчасти заключаются в самой постановке вопроса: а почему философия рассматривается в соотношении с социологией? С точки зрения логико-теоретической такое, конечно, возможно. Но с точки зрения историко-методологической дело обстоит много сложнее. Современная философия определяется и самоопределяется не только в соотношении с социологией, но и во взаимодействии с другими дисциплинами обществознания: психологией, культурологией, исторической и экономической науками, а также и с вненаучными областями человеческой деятельности, опытом повседневности.

Вопрос об отношении дополнительности философии общества и социологической теории имеет смысл, если мы разделяем философию общества как некую обобщающую дисциплину и социологическую теорию как теорию конкретного общества и соответствующих исследований. Но обобщающая работа философии может быть трактована иначе: она сама вырастает из обобщения опыта научных исследований и обыденного бытия людей и на этом обобщении строит свои методологические и мировоззренческие установки.

По сути, мы имеем дело с двумя разными пониманиями общего и соответственно с двумя разными трактовками картины социального мира. В одном случае картина мира и общие законы бытия постулируются и накладываются на конкретный материал, в другом они выводятся из переработки разнообразных форм человеческого опыта. Первое понимание можно считать традиционным. Второе базируется на анализе и переработке научного и обыденного опыта, соответственно ориентируется на обновление образов и методов человеческой деятельности и, разумеется, научных дисциплин.

Контакты социальной философии и дисциплин научного обществознания постоянно наталкиваются на множество препятствий; они, странным, казалось бы, образом, обнаруживают несогласуемость философских и научных форм и достаточно ярко характеризуют различия в режимах их бытования. Если мы захотим более полно «ввести» в социальную философию материал научного обществознания, мы почувствуем, что дисциплинарные формы, в которые он упакован, всячески сопротивляются их включению в картины социального *процесса*. Это происходит в основном потому, что дисциплинарные формы *показывают* не людей, не процессы общения, деятельности или самореализации, где люди выступают *субъектами* социальности, а *стороны, грани, подсистемы*, в которых опредмечиваются эти процессы. Каждая из дисциплин сосредоточена на *своем*

аспекте социальности: он отделен от других аспектов, внеположен им и только косвенным образом — через *функции* дисциплин, скажем, социологии и истории или экономики и психологии — связан с другими аспектами, с другими предметами. А дальше просматривается особая система разделения деятельности, которая гораздо сильнее, чем вопросы о тенденциях общественной жизни и стремлениях людей, воздействует на методологические установки и научные пристрастия представителей различных социальных и гуманитарных дисциплин.

Этот вариант «введения» материала научного обществознания в социальную философию выявляет как будто бы непреодолимые барьеры, но он же ставит ряд вопросов, позволяющих обрисовать перспективу дальнейшего движения. Это вопрос о социальной укорененности традиционной системы разделения труда социально-гуманитарных наук. Это, далее, вопрос о принадлежности системе самой социальной философии, а стало быть — о принципиальной неполноте последней. И это, наконец, вопрос о социально-философском выражении проблематики бытия людей, освобожденном от «структурного насилия», производимого разделением научного труда. Последний вопрос стимулирует переключение философской ориентации на формы повседневности, фиксирующие проблематику индивидуальной и совместной жизни людей на «языках» обычных схем общения и действия.

Итак, если мы разделяем социологию и философию, исходя из логико-теоретических положений, тогда реальностью становится их дистанцирование и их отношение по принципу взаимоисключающей дополнительности.

Но возможен другой подход, когда мы исходим из исторической динамики дисциплин.

Учтем, например, что социология XX столетия заметно менялась. В первой половине века это была социология структур, акцентирующая внимание на средствах адаптации людей к социальным системам. Во второй половине века акцентируется внимание на зависимости структур от бытия людей, макросоциального — от индивидуальных взаимодействий. Этот эволюционный переход осуществляется социальной феноменологией и этнометодологией, такими социологами, как Бурдьё [2], Гидденс [10] и многие другие. И в данной ситуации уже не так важно, считаются ли исследователи социологами или философами, важно, что они ставят философские вопросы о воспроизводстве и развитии форм социального бытия. Они подходят к пониманию общества как *процесса*, значит, вводят в социологию *историзм* — как в понимании ее объекта, так и в осмыслении историчности ее собственного бытования. Но здесь мы опять сталкиваемся с ограничениями, налагаемыми традиционными принципами взаимной дополнительности на интеграцию дисциплин обществознания.

История и социология

Критика спекулятивной философии истории сопряжена с движением познания к реальности, с попытками строить историю как науку, исходящую из реальности. Но ясный — в плане критики — тезис о реальности терял свою определенность, как только дело доходило до его позитивной трактовки.

Возникла, например, такая проблема: может ли история как наука опираться на общую для всего знания реальность или она должна основываться на *особой* реальности истории?

В классической философии истории, надо заметить, трактовка истории как *процесса* была тесно связана с пониманием истории как *прошлого*. К середине XIX в. представления эти стали расходиться. Объяснение истории через абстрактно-общие схемы, через идейные и психологические мотивы, через ценностную и смысловую устремленность человеческой деятельности стало отходить на второй план. На первый стало выдвигаться представление об истории как о прошлом, о том, что было, *завершилось* и в этой завершенной форме подлежит *научному* описанию и объяснению.

Обозначилась *возможность двух толкований истории*: 1) истории в широком смысле как *процесса* деятельности людей, развертывающей во времени социальные и культурные формы их бытия, процесса, совершенного и совершающегося, т. е. включающего прошлое, настоящее и будущее, и 2) истории как *завершившегося бытия*, представленного в результатах деятельности людей, в ее следах и памятниках [4]. Эти два толкования истории часто переплетались и смешивались. Но в плане философском и научном они намечали два принципиально различных подхода к пониманию реальности и объяснению истории: первый, нацеленный на понимание и объяснение истории как развития общества, претендующий на системный охват его полифонии, и второй, ориентированный на выделение из человеческого бытия *особого аспекта* и *особой предметности*, подвластных специальному историческому описанию и объяснению. Именно второй подход стали противопоставлять философии истории, именно он во многом обусловил формирование истории как специфической области научного знания.

Поле деятельности исторического познания заметно сокращалось и становилось все более подготовленным для применения эмпирических методов исследования. Вместе с тем как будто бы отпадала надобность в объяснительных схемах, выходящих за рамки непосредственно воспринимаемого и описываемого материала. Историческая реальность, таким образом, сужалась до конкретной совокупности письменных документов, вещественных следов и памятников человеческой деятельности. Теоретический компонент исторического знания вовсе не исключался, но тем не менее ставился в полную зависимость от приемов эмпирического описания и обобщения материала, «пристраивался» к данным эмпирического анализа. В нем, естественно, все больше места находили объяснения исторических причин и следствий, описания социальных структур и трансформаций общественной жизни и соответственно меньше места оставалось для индивидуальных характеристик бытия людей, для истолкования изменений в обществе как результатов деятельности людей, различных ее сочетаний. Тенденция ко все более конкретному отображению исторической реальности, ко все более научному ее описанию грозила исчезновением людей с авансцены исторической драмы, к вытеснению их на задний план обстановкой и декорациями исторического действия.

«Сужение» исторической реальности в целях ее более точного и конкретного описания так или иначе вело к широкому привлечению в историческое исследование вещных свидетельств человеческой жизни и деятельности. Возникал неизбежный парадокс: для людей места в пространстве истории становилось меньше, зато для вещей это пространство оставалось открытым. Более того, получалось, что вещи в некотором смысле способны «сказать» больше о жизни людей, чем сами люди.

Конечно, этот подход не мог полностью отказаться от описания людей, их поступков, интересов и стремлений. Но люди, «вписанные» в вещественную обстановку своей собственной истории, утрачивали таким образом специфически человеческие свойства и все отчетливей представляли носителями каких-то вещеподобных связей и сил.

Так тенденция преодоления спекулятивной философии истории породила ряд парадоксальных следствий. Из поля зрения научного исторического познания стали ускользать проблемы, характеризующие историю общества именно как *социальный* и *человеческий* процесс. Преодоление метафизики на этом пути обернулось сближением истории с физикой, *натурализацией* знания о человеческой истории, истолкованием общественного процесса как процесса квазиприродного, описанием жизни людей по «логике вещей». Стереотип, в согласии с которым научность знания и его натуралистическая (скажем мягче: естественно-научная) ориентация совпадают, во многом определил ход развития исторической науки и всего обществознания во второй половине XIX — начале XX столетия.

В середине XIX столетия благодаря классикам позитивизма произошло разделение общества как объекта на социальную статику и социальную динамику. По умолчанию статика оказалась в ведомстве социологии, а динамика — в ведомстве истории. Причем динамика в основном фиксировалась в прошлом. Настоящее представляло в виде больших структур, в соответствии с которыми осуществлялось управление людьми и их исследование.

В середине столетия двадцатого такое разделение исследовательского труда как раз из-за его простоты перестало соответствовать научным и практическим задачам. Началась мучительная борьба с методологическими стандартами [11, 8]. Стали возникать гипотезы *ad hoc*, дополняющие стереотипные социологические представления. Предполагалось создать особый теоретический конструкт, «который может быть извлечен из неподвижности социальной действительности» [12, 336], т. е. теории социальных изменений, восполняющие недостатки теорий социальных структур. Но в этом уже не было особой надобности, поскольку в социологию настойчиво включались микросоциология, концепции социального действия и повседневного поведения людей.

В исторической науке также идут поиски связи между трактовкой социального процесса и формами индивидуальных взаимодействий. Ощутимый вклад в этот поворот внесла французская школа «Анналов», в отечественной литературе это движение возглавил А. Я. Гуревич с его работами. Таким образом «оживал» процесс истории. Но история по-прежнему предсказывала движение «назад», притяжение прошлого все еще оказывается сильнее стремления представить само движение истории [7].

Историки устанавливают право людей на участие в социальном процессе. Происходит реконструкция форм деятельности людей в социальном процессе. Описываются ритуалы, стандарты и стереотипы массовых действий. Но этого недостаточно, ибо помимо участия людей в истории продолжают работать какие-то другие, часто анонимные, силы. Важно обнаружить в движении истории формы самореализации людей, воплощающие другие силы. Но это пока невозможно, потому что историческое познание не обладает соответствующими ресурсами. Мешает сложившаяся матрица разделения труда между дисциплинами общественности.

История и психология

В середине XX в. на первый план выдвигаются направления и школы, осмысливающие введение гуманитарного «измерения» в изучение социальных взаимодействий и личностного бытия людей.

Оформляется *гуманистическая психология*, включившая целую плеяду впоследствии знаменитых исследователей: А. Маслоу, К. Роджерса, Х. Салливан, В. Франкла, Э. Фромма, К. Хорни, Э. Эриксона. В основе взглядов этих психологов — установка на понимание личности как самореализующегося субъекта, открытого к социальным взаимодействиям, обладающего потенциалом для преобразования внешних влияний.

Это движение не повторяет установки интроспекционистской психологии конца XIX в., требовавшей обратиться к внутреннему миру личности и там черпать знание о человеческой душе. Оно устанавливает связь между самореализацией личности и социальными формами, которые воплощают эту самореализацию.

В позитивной трактовке человеческая самореализация характеризуется как важный аспект деятельности людей, как процесс, обеспечивающий постоянное наполнение социального воспроизводства живыми человеческими силами. Предметные и внешнесоциальные формы возможны только при их наполнении самореализацией людей. Это наполнение социального процесса силами человеческой самореализации — условие, без которого он просто невозможен.

Разумеется, в конкретной истории мы не находим примеров «полной» гармонии между индивидуальной самореализацией и социальным процессом. Но из этого не следует, будто история иногда протекает при наличии человеческой самореализации, а иногда может без нее обойтись. Вне человеческой самореализации истории не существует. Другое дело, что она воплощается в формах, видоизменяющих и отчуждающих от людей их самоосуществление: преодоление и смена данных форм, их новообразование и развоплощение и является одной из характеристик исторического процесса.

Понимание этого важного пункта невозможно при опоре на представления об *отдельном индивиде* и «охватывающем» его обществе, порождающие малопродуктивные манипуляции с понятиями общественного и индивидуального. Непродуктивно оно и при жестком разграничении предметного бытия людей и их самореализации.

Самореализация не дополнительная, вторичная характеристика человеческой деятельности, это грань, выявляющая ее многомерность. Обнаружение, использование и модификация в предмете социальных качеств только потому и возможны, что в силах и способностях человеческого индивида присутствует и реализуется его со-бытие с другими людьми, форма связи с их силами и способностями.

«Возвращение» людей в историческое и социологическое познание отчетливо указывает на ограниченность традиционных представлений о разделении труда в обществознании и его интеграции. Радикальные изменения в установках социологии, истории и психологии неизбежно сказываются и на взаимоотношениях между дисциплинами. «Революция в социологии — это революция в целевой дисциплинарной структуре изучения людей», — писал Дж. Арри [14, 466].

Проблема парадигм обществознания

Разделение дисциплин обществознания, так же как идея их интеграции, базируется на неявной установке, согласно которой существует традиционная матрица социально-гуманитарных дисциплин, определяющая их предметы и методы, их взаимоотношения. Однако если мы обратимся к эволюции научного обществознания, то обнаружим, что дело обстоит не так.

Во-первых, потому, что до середины XX в. научного обществознания не было. Во-вторых, потому, что «традиционное» представление о суверенитете дисциплин и их взаимоотношениях формировалось в процессе становления научного обществознания, после того как они вывели свои предметы из-под власти абстрактно-философских представлений о человеке, обществе, истории, культуре. Иными словами, «традиционное» представление о структуре обществознания само является продуктом истории, причем сравнительно недавней. Оно зафиксировало выход общественных наук из-под господства философских абстракций, их самостоятельность и способы их связи в условиях разделения труда. По сути, философская интеграция дисциплин сменялась научной, исходящей из разделения предметов и методов. Одна парадигма, «философская», сменялась другой — «научной», испытавшей заметное влияние позитивистской методологии. Вторая парадигма закрепилась и сохраняла позицию до середины XX в. Этому способствовал и авторитет социологии, в особенности структурно-функционального анализа, считавшейся методологическим «ядром» этой парадигмы.

Но затем по ходу развития психологии, исторического и экономического познания, социальной антропологии и феноменологии, определявших собственные методологические ориентиры, эта парадигма утратила реальную значимость. Возникают идеи отказа от парадигмы, провозглашаются концепции *множественности* парадигм [13, 9]. Этот поиск не увенчался успехом. Разобщенность дисциплин только росла, возник кризис их самоопределения [1].

Историзм парадигмы обществознания

Эволюция парадигмы (парадигм) обществознания указывает на то, что сама эта парадигма есть явление историческое. Ее форма и влияние на знания зависят от изменения форм социального бытия и соответственно от их воздействия на структуры производства социально-гуманитарного знания. По ходу этого процесса формируются новые парадигмы, сдвигаются представления о функциях дисциплин и способах их взаимодействия. Что примечательно, предметная ориентация дисциплин сохраняется, а их методология трансформируется, особенно в части освоения или присоединения «территории» сопредельных дисциплин.

Философия самобытности отдельной общественной науки и ее взаимодействия с партнерами трансформируется. Тут самое время сказать о позиции современной философии. В ее определении есть двусмысленность, заданная сочетанием разных трендов. Сохраняется стандартное представление о том, что философия — некая обобщающая дисциплина, предлагающая мировоззрение и методологию. И фактически реализуется другая тенденция, согласно которой философия — одна из социально-гуманитарных дисциплин, работающая с другими над проблемами социального бытия и его выражения в научном и обыденном знании. Второй тренд задает ориентацию философии на динамику социального бытия и на действие этой динамики в структурах обществознания. Причем речь идет не об отражении динамики в теориях и образах, а об анализе форм и функций этих отображений, об их встроенности в ход общественной эволюции и об их влиянии на ее сдвиги.

История парадигм обществознания показывает, что отдельные дисциплины стремятся преодолеть туннельное видение. Но эта же история показывает, что нельзя его преодолеть, не изменив форм взаимодействия с другими дисциплинами. Переиначив идею Дж. Арри, отмеченную ранее, скажем, что нельзя укрепить фундаментальные основы научной дисциплины, не повлияв на системную согласованность ее с другими областями познания. Если формы простого разделения труда и простой кооперации уступают первый план формам системного партнерства и системной методологии, это признак того, что и в трактовке общества как объекта на первый план выходит трактовка его как процесса, как воспроизводства и создания его структур в формах совместной и разделенной деятельности людей.

1. Буравой М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // Социс. 2009. № 4.

2. Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2005.

3. Кемеров В. Е. Социальная философия в современном мире // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4, вып. 3–4(13–14).

4. Кемеров В. Е. Социальная философия. М., 2004. Гл. 2.

5. Момджян К. Х., Подвойский Д. Г., Кржевов В. С., Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? // Вопр. философии. 2016. № 1.

6. Пек М. С. Непроторенная дорога. Ч. 3, разд. «Туннельное видение ученых». К., 1999.

7. Хвостова В. К. Методология истории и ее связь с конкретно-историческими исследованиями // *Вопр. философии*. 2016. № 7.
8. Bulmer M. *Sociology and History: Some Recent Trends* // *Sociology*. 1974. Vol. 8, № 1.
9. Cole St. *The Hierarchy of the Science?* // *American Journal of Sociology*. 1983. Vol. 88, № 4.
10. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, 1984.
11. Kuzminski A. *The Paradox of Historical Knowledge* // *History and Theory*. 1973. Vol. 12, № 3.
12. Ritzer G. *Toward an Integrated Sociological Paradigm*. Boston, 1980.
13. Rocher G. *A General Introduction to Sociology*. L., 1972. P. 336.
14. Urry J. *Thomas Kuhn as Sociologist of Knowledge* // *The British Journal of Sociology*. 1973. Vol. 24, № 4. P. 466.

Рукопись поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

УДК 316.47 + 316.62 + 304.44

Н. Л. Антонова
А. В. Данилова

ПОВСЕДНЕВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

В статье представлен социологический анализ повседневной мобильности, под которой понимаются рутинные воспроизводимые перемещения как совокупность действий и взаимодействий индивидов и групп, цель которых — становление, поддержание и развитие социальных связей и отношений. Повседневная мобильность — это вид социальной практики, детерминированной нормами и имеющей пространственно-временную организацию. В работе выделены виды повседневной мобильности (телесные (физические) и виртуально-коммуникационные перемещения), а также определены ее функции (становление, воспроизводство и развитие социальных связей и отношений, поддержание социального порядка, интеграция индивидов в сообщества/сети, наращивание сетевого капитала).

К л ю ч е в ы е с л о в а: повседневная мобильность, социальная практика, перемещения, социальные отношения и связи.

Социологическая концептуализация повседневной мобильности выступает, на наш взгляд, одним из перспективных направлений современных исследований. Изменения, свойственные современному миру, оказали значительное влияние на повседневную жизнь людей, их представления о пространстве и границах. Повседневная жизнь индивидов и групп трансформируется, увеличивая долю социальных контактов, расширяя социальные связи в повседневных практиках. Современный житель мегаполиса становится субъектом активных перемещений, которые свидетельствуют о его статусно-ролевых позициях, социальной идентичности и межкультурной коммуникации. Повседневная мобильность выступает условием производства и воспроизводства социальных отношений, в основе которых — реализация потребностей различных социальных групп.